

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 гг.
В СУДЬБАХ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ

Сборник статей

Казань – 2015

УДК 94(47+57)"1941/1945"
ББК 63.3(2)622
В 27

*Издание осуществлено в рамках Государственной программы
«Реализация государственной национальной политики
в Республике Татарстан на 2014–2020 гг.»*

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук *А.С. Бушуев*
доктор исторических наук *А.Ш. Кабирова* (отв. ред.)
кандидат исторических наук *И.И. Ханипова*

В 27 Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А.Ш. Кабирова. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – 696 с.

ISBN 978-5-94981-192-4

В сборнике представлены статьи участников Международной научной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов», организованной Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан в рамках мероприятий, посвященных 70-летию Великой Победы. Проблематика научных статей включает методологические, историографические, источниковедческие, военно-политические, социально-экономические аспекты изучения истории военных лет; актуальные вопросы сохранения исторической памяти о ратных и трудовых подвигах советских людей, повышения патриотического и гражданского самосознания молодежи.

Книга адресована специалистам, преподавателям средней и высшей школы, аспирантам, студентам и всем интересующимся историей России.

ISBN 978-5-94981-192-4

УДК 94(47+57)"1941/1945"
ББК 63.3(2)622

© Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан, 2015

break of war not only dramatically increased the volume of output of products of defensive value, but also mastered production of non-specific for them types of products. After the beginning of the war, all factories of the region as all over the country began to work in accordance with the plan of mobilization deployment.

Key words: armored vehicle, artillery shells and mortars, metallurgical industry, personnel.

УДК 930(571)

Т.К. Щеглова
Россия, г. Барнаул

**СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ И АДАПТАЦИОННЫЕ
ПРАКТИКИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЫЛОВОЙ ДЕРЕВНИ
СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ СОБИРАТЕЛЬСТВА И ЛОВЧИХ
ПРОМЫСЛОВ: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ***

Аннотация: С одной стороны, в статье дается оценка состояния изученности тыловой деревни в годы войны 1941–1945 гг., выявляются провалы в источниковой базе по изучению антропологических аспектов войны и состояния сельского сообщества в контексте предвоенной модернизации и экстремальных военных условий. Предлагается междисциплинарный подход с применением новых концепций, методов, технологий этнологии и устной истории. С другой стороны, на основе материалов устной истории и полевых исследований рассматривается культура жизнеобеспечения сельского населения Сибири на примере таких адаптационных практик, как собирательство съедобных растений, их приготовление, использование и заготовка, развитие ловчих промыслов на суслика и его употребление в пищу, а также заготовка топлива. Делается вывод о необходимости введения этнокультурных факторов в исторические реконструкции, признается безотлагательность антропологических исследований с использованием устной истории.

Ключевые слова: устная история, этнология, экстремальные условия, натуральное и присваивающее хозяйство, нетрудоспособное население, пища, жилище, отопление.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-31-01019 а «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

В отечественной историографии недостаточно внимания уделяется вкладу населения тыловых районов в победу советского общества в годы Великой Отечественной войны. Как правило, внимание акцентируется на производстве вооружения и питания для фронта и добровольных пожертвованиях. Бесспорно, результаты трудового подвига являлись непосредственным и существенным вкладом, но существовали и опосредованные факторы победы. Это адаптационные механизмы системы жизнеобеспечения крестьянской семьи, ее способность выживать в экстремальных условиях военного времени. Поэтому в качестве гипотезы автор выдвигает утверждение об особой роли традиционной культуры сельского общества в адаптационных практиках и жизненных стратегиях военного периода; социально-экономическое положение тыловой деревни военного времени рассматривается как экстремальные условия, а для таких категорий сельского социума, как депортированные и репрессированные («враги народа») – как чрезвычайные ситуации. И, соответственно, предлагается рассматривать культуру жизнеобеспечения (далее КЖ) сельского населения как фактор победы в Великой Отечественной войне.

Понятие КЖ в отечественной науке введено в конце 1970-х гг. Ю.И. Мкртумяном [5], окончательно доработано С.А. Арутюновым. Для нас важен подход в определение КЖ, она является частью традиционной культуры и «непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей» [2]. В данной публикации автор фокусирует свое внимание на таких базовых компонентах, как «пища» – борьба с голодом и «отопление жилища» – борьба с холодом. При этом в этнологии и антропологии понятие КЖ применяется к анализу традиционных обществ в их повседневной жизни в русле проблемы адаптации к природно-климатическим условиям. Для нас важным является адаптация к конкретно-историческим социально-экономическим условиям войны. В годы войны жизненно важными процессами стали обустройство и содержание жилища (первый базовый элемент КЖ), в том числе отопление; организации питания и обеспечения продуктами питания, одеждой (3-й элемент КЖ) и т.п. Для характеристики условий мобилизации КЖ в колхозно-совхозном обществе достаточно привести цитату из устных исторических источников: «Отец мой ушел на фронт, и в сорок втором году он уже погиб. Ушли на фронт четверо моих родных дядей, двое из них погибли. У кого-то остался недостроенный дом, у кого-то крыша прохудилась, а тогда крыши-то были соломенные, дома глиняные, дворы были плетеные, обмазанные коровяком, – и все это было еще и в таком состоянии, что надо было за всем присматривать» [1, с. 177].

При проверке гипотезы на материалах интервьюирования очевидцев военного времени автор учитывает и другие условия и факторы, усугублявшие экстремальность и чрезвычайность ситуации, в которой оказалось сельское население в колхозно-совхозном сообществе в посткрестьянский период. В частности, ухудшили социально-экономическое положение крестьянской семьи проведение и незавершенность социалистической модернизации сельского общества, кол-

лективизация и раскулачивание. Вопрос организации питания сельского населения выпал из государственной политики. Семейный коллектив колхозно-кооперативного общества, в отличие от периода единоличного хозяйствования, лишенный возможности существовать за счет семейного земледелия и животноводства, вынужден был искать иные источники жизнеобеспечения. Существенно сужала возможности крестьянской семьи экстремальная по своему характеру политика многочисленных запретов, продиктованная и социалистической модернизацией, и военным временем, например, на приобретение или заготовку дров, леса, сбор колосков, собирательство ягод на сенокосных лугах и т.п. «Ведь тогда лес не давали. Даже березы боялись спилить. Было строго» (Грачева Нина Федоровна, 1930 г.р., с. Селиверстово, Волчихинский р-н.) «Рубить в колках дрова не разрешали, поэтому – чем топить?» «Наказывали, Боже упаси, чтобы взять какой-то продукт с поля или с тока! Ни пшеницу, ни свеклу – ни в коем случае! За это очень-очень строго наказывали!» [1, с. 180].

Ухудшило социально-экономическое положение сельского населения Сибири насильственное переселение на ее территорию депортированных народов и многочисленные предвоенные и военные репрессии, которые привели к подвижке населения, вынужденного решать проблемы обустройства на новом месте без государственной поддержки [14, с. 554–571]. А т.к. все репрессивные кампании (и раскулачивание, и депортация, и спецпереселения) осуществлялись по-семейному принципу, то в сибирской деревне формировались большие группы населения, которым приходилось бороться с голодом и холодом, исходя «из подручных средств».

Частью этих проблем стала не только физическая, но и социальная адаптация депортированных и спецпереселенцев в сибирском сельском обществе в условиях массивной идеологической дискредитации в рамках кампаний борьбы с «врагами народа» или «потенциально ненадежными народами», преодоление негативного отношения и враждебности сельских сообществ, получивших похоронки. Так же, как приходилось адаптироваться и местному населению. На адаптацию сибирского населения оказывало влияние и поведение, и чувства незаслуженной обиды, и оскорбления со стороны депортированных и спецпереселенцев и т.п. [11, с. 155–156].

Сформировавшуюся вследствие незавершенности социалистической модернизации села и репрессивных кампаний неблагоприятную ситуацию в селе усугубили демографические и материально-технические изменения, вызванные войной. Это – мобилизация мужчин на фронт, неблагоприятный половозрастной состав крестьянского общества, мобилизация всей техники, а также тягловой силы на фронт, а трудоспособного населения колхозно-совхозной деревни – на колхозно-совхозное производство, с посуточным или ежедневным пребыванием в выездных бригадах, на полевых станах и т.д. При этом количество труда не способствовало материальному обеспечению семьи. Как известно, продовольственные карточки выдавались только горожанам. Сельскохозяйственная продукция

колхозов почти полностью изымалась в государственный фонд. Деньги практически не выдавались. По данным В.А. Исупова и И.С. Кузнецова, в 1943 г. колхозники Западной Сибири получили на трудодень по 88 коп., Восточной – 1 руб. 67 коп. За год они зарабатывали столько же, сколько рабочие за месяц [4, с. 212]. А личное приусадебное хозяйство обладалось налогами: «В государство сдавали план – 100 яиц, 300 л молока (жирность 4,4%, если молоко было менее 4,4%, надо было больше литров сдать, чтобы добрать жирность. – *Т.Щ.*), 40 кг мяса (овечка – старица вытягивала 38 кг – *Т.Щ.*), что оставалось – себе» [9, Маркина (Маматова) Наталья Александровна, 1928 г.р., с. Мормыши]. Кроме того, колхозники выплачивали культсбор, военный и сельскохозяйственный налоги, для чего вынуждены были продавать часть продукции личного приусадебного участка и т.д. Минимальная оплата трудодня, массовые изъятия продовольствия из сельской местности в ходе обязательных государственных поставок и выполнения налоговых обязательств актуализировали в годы войны традиционную культуру жизнеобеспечения.

Обделение рассматриваемых проблем вниманием историков в определенной степени связано с состоянием источниковой базы и с ограниченностью теоретико-методологических и методических подходов. Во-первых, существующие государственные фондохранилища, и центральные, и региональные, содержат ограниченную информацию, необходимую для принятия управленческих решений: социально-экономические показатели тех или иных учреждений в виде планов и отчетов, протоколы заседаний партийно-государственных органов власти всех уровней и т.д. В подобного рода документах не отражается повседневная жизнь, бытовое обустройство, решение жилищных проблем, решение проблем с пищей, одеждой, отоплением, санитарией, гигиеной и т.п. Тогда как от них зависела и жизнеспособность, и жизнедеятельность тылового общества. Эти, казалось бы, частные факторы, в совокупности обеспечивали возможность поддержки тылом армии и, в конечном счете, определяли исход военных действий. Именно поэтому традиционную культуру в целом, и традиционную культуру жизнедеятельности, в частности, необходимо рассматривать в экстремальных условиях войны как важные факторы победы.

Во-вторых, для исследования базовых и периферийных компонентов культуры жизнеобеспечения сельского общества воюющей страны требуются новые теоретико-методологические подходы и методы исследования, наряду с привлечением новых источников. Говоря о новых методах и подходах, в первую очередь, необходимо обратить внимание на так называемые «перевороты» в исторической науке второй половины XX века, обусловленные кризисом исторической науки [7]. Для нас важное значение имели антропологический и лингвистический перевороты [8]. Первый сфокусировал внимание историков на «человеке в истории» и переориентировал с масштабных процессов, с глобализации истории на повседневность, состояние которой являлось базой существования человеческого сообщества и соответственно одной из движущих сил истории. Это вылилось, в

том числе, в возникновение новых направлений исторических исследований, таких как устная история (Oral history) с ее инструментарием получения информации о той или иной эпохе с опорой на коллективную и индивидуальную историческую память. В этом смысле методы и источники устной истории открывают новые перспективы для отечественной исторической науки. Устная история разрабатывает на основе опросных технологий методику извлечения информации у ее носителей, ее фиксации, оформления и интерпретации. А благодаря лингвистическому перевороту у историков расширились возможности работы с разного рода текстами и устной информацией. Устная история апробирует методики работы, например, с латентной информацией, успешно использует контент-анализ и другие пути проникновения в глубинный смысл получаемых текстов.

Опыт работы автора статьи в области устной истории показывает большие возможности в создании источниковой базы по истории повседневной жизни населения тыловой деревни в годы войны. А в совокупности с методикой и инструментарием других исторических дисциплин, например, этнологии, культурной и социальной антропологии, расширяет возможности исследователя в адекватной реконструкции прошлого. Как правило, историки слабо учитывают этнокультурный фактор в исторических реконструкциях, тем более в военно-исторических научных текстах. Их умаление негативно влияет на научные исторические версии, их адекватность историческому прошлому.

На сегодняшний день созданный и возглавляемый автором Центр устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения при кафедре отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета содержит архив, в котором отложилось 3546 интервью (1190 часов записи на кассетах и свыше 1 тыс. часов цифровой записи), 4736 фотоснимков на фото-плёнке и 65 212 цифровых фото и 30 часов видеозаписи. С 1991 г. проводятся порайонные историко-этнографические экспедиции, в основе исследовательских технологий которых используются методы и инструментарий устной истории и этнологии. В ходе этих экспедиций обследовано более 30 сельских районов и 600 сел Алтайского края. Подготовлено учебное пособие [13], изданы материалы интервью [1], апробирована методика использования устных исторических источников в монографических исследованиях [12]. Тема войны во всех программах и проектах Центра устной истории являлась одной из ведущих, т.к. основной контингент респондентов 1905–1935 гг. рождения представлял фронтовое и тыловое поколение. А в последние два года, в преддверии юбилея 70-летия Победы в годы Великой Отечественной войны, автором разработана и реализуется программа «Адаптационные практики, жизненные стратегии и система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая».

Опыт работы позволяет обозначить круг вопросов и проблем, требующих безотлагательных действий со стороны исследователей. Прежде всего, фиксация информации о повседневных практиках сельского населения колхозно-совхозного общества в посткрестьянский период в военное время, характеризующееся

экстремальными условиями и чрезвычайными ситуациями. Важным принципом изучения этих проблем является половозрастной подход: разные условия существовали у двух групп населения тыловой деревни – трудоспособного, среди которого преобладали женщины, и нетрудоспособного, представленного детьми от дошкольного до младшего подросткового возраста, и полярной группой – престарелыми, пожилыми и немощными членами семьи. Первые были «мобилизованы», иногда посуточно, на производство – станы, бригады, фермы, тока. Частью их жизни были и организованное питание (общий котел, бригадный повар, затирухи, болтанки, картошка, выдаваемые куски хлеба и т.д.), но с них никто не снимал и обязанность заботы об оставшихся дома нетрудоспособных членах семьи, в том числе по обеспечению жильем, топливом, питанием, одеждой. Вторые представлены сами себе, но с обязанностью содержать домашнее хозяйство и следить за младшими членами семьи, включая также пропитание и отопление. Поэтому необходимо дифференцировать обязанности, трудовые семейные повинности, трудовые традиции в чрезвычайных ситуациях по половому и возрастному цензу. Важным является и адресная работа с разными категориями сельского сообщества, в том числе и репрессированными. Их опыт, так же как и опыт местного населения, был детерминирован этнокультурными умениями и навыками жить, исходя из возможностей «кормящего ландшафта», например, строиться, используя «сподручные средства» – глину, камыш, солому, дерн, землю, чашу, колья [14], питаться, используя «подножный корм».

Использование методов устной истории, этнологии и антропологии в изучении жизненных стратегий в борьбе с голодом и холодом деревенского общества, оставленного без государственной помощи, в перманентно нищем и бесправном колхозном обществе, показало, что такими повседневными практиками стало развитие архаичных занятий по обеспечению всем необходимым с опорой на потенциальные возможности кормящего ландшафта и развитие домашних занятий и промыслов, носящих присваивающий характер – собирательство, ловчие промыслы, охота, рыболовство. «Проходило наше детство в заботах, что поесть и как согреться» [9, Рзянина (Илющенко) Валентина Ивановна, 1938 г.р., с. Гуселетово]. Война, несмотря на советскую модернизацию и раскрестьянивание 1930-х годов, вернула сельчан к натуральному хозяйству, увеличила значение института семьи и семейной экономики. Изучение развития промыслов в военное время является актуальным и для сегодняшнего дня, т.к. глобальный структурный кризис современной экономики постоянно обращает сельских жителей многих сибирских регионов к архаичным занятиям как для содержания семьи (сбор грибов, ягод, трав, плодов), так и зарабатывания денег (сбор папоротника, сбор черемши или колбы, сбор лекарственных трав и т.д.).

Собирательство в военное время было многовидовым. «Это самое страшное, когда холодно и постоянно хочется есть. С приходом весны, с появлением первой зелени, появляется надежда на лучшую жизнь. Ели все, что растет: кра-

пиву, черемшу, лопух, крапиву, дикий лук, лебеду» [9, Герман (Кнауб) Эрна Яковлевна, 1933 г.р., Романово].

Оно делилось не только по предметам собирательства – сбор ягод, сбор грибов, сбор трав, сбор плодов, но и по видам и способам собирательства. Самостоятельные навыки существовали по заготовке продуктов собирательства на зиму. Для создания источниковой базы по истории тыловой деревни необходимо составлять подробное описание съедобной растительности, рецептов их приготовления, использования и консервирования (повсеместно существовали три способа заготовки – сушка, заморозка или засолка). Например, «царицей» собирательства была лебеда, которая использовалась и для приготовления пищи, и для заготовки на зиму (как суррогат для добавления в муку). «Крапива да лебеда – вот была наша еда» [9, Маст (Пингинштейн) Эрна Яковлевна, 1936 г.р., Тамбовский]. А вот когда она собиралась, какие части лебеды использовались в пищу, какие блюда готовили из лебеды в летнее время (их много), как ее заготавливали на зиму, где и как использовали в зимнем питании – необходимо изучать, и с помощью опросов создавать источники, заполняя лакуны и пробелы источниковедения Великой Отечественной войны. При этом важно выявлять состав участников собирательства, время собирательства, его характер. Например, массовое собирательство по времени совпадало, в силу своего сезонного характера, с массовыми сельскохозяйственными работами, поэтому собирательство в военное время автором делится на организованное (коллективное) собирательство нетрудоспособного населения, в том числе детьми, как правило, со старшими членами семьи, и на повседневное собирательство, которое можно назвать «пропитанием на подножном корму» без надзора старших, особенно в весенний период, когда дети сбивались в небольшие стайки и промышляли по полям и огородам.

Среди неорганизованного собирательства – и противоправный, и опасный для детей сбор по пустым огородам прошлогодней мерзлой картошки, сбор по колхозным полям прошлогодних, оставшихся после уборки и вытаявших из-под снега колосьев, «походы» детей «по колхозным амбарам» для «подворовывания жмыха». «Снег начинал таять, колос гнилой собирали, за этот колос ловили милиционеры Денисов, Полежаев, Ельников, Сидоров, отбирали и выбрасывали все. Если удавалось колоски собрать, на плиту высыпашь, поджаришь и ешь. При вспашке огорода находили картошку прошлогоднюю, мерзлую – чистили, клали на плиту горячую, все, что останется – съедали... Картошку выращивали, затем ее в деревянных решетках просеивали, крупную забирали как налог, мелкую оставляли себе, на плиту рассыпали, пекли и ели как горох со шкуркой... Жмых рыжика [масляничная культура – «мелкая пшеница»] ходили воровать, пекли калачи из него на воде. За могилками выращивали сою. Соевый жмых ели, тот хороший был, но только вонял, все равно ели» [9, Красносельский Семен Владимирович, 1935 г.р., с. Мормыши].

Ежедневное индивидуальное повседневное собирательство делится на два вида. Это «выпас» детей на съедобных растениях в окрестностях, как ежедневная

повседневная практика в военной тыловой деревне: «Весной ходили в бор, ели кандык, слизун, рогозу, почки сосновые, щипигу [щавель] рвали, ее свежую ели или парили. Как дикие звери, бегали в поисках пищи» [9, Красносельский Семен Владимирович, 1935 г.р., с. Мормыши]. Этот вид пропитания содержит большой опыт жизнеобеспечения, народные навыки и умения, который необходимо фиксировать: клубневые растения (например, кандык и растения с толстыми съедобными корнями в приречных, приозерных и болотистых территориях), растения со съедобным стеблем или верхней части – различные виды лесного и полевого лука («вшивик», слизун и т.д.), щавелевые растения, а также дикорастущие, но не употребляемые в современной системе питания растения – медуница, одуванчики. «Мама все говорила, что зима скоро пройдет, будем собирать травку да ягоду, варить супчики. А брат водил нас на озеро. Он вытаскивал из озера камыш, у которого были рожки, и мы их кушали, а рогоза вообще считалась роскошью. Ее корень был очень вкусный. Еще ели кандык, щавель, слизун. Одним словом, все лето жили на подножном корму» [9, Красносельский Семен Владимирович, 1935 г.р., с. Мормыши].

Второй вид повседневного индивидуального собирательства заключался в сборе трав, служивших примесями к каким-либо продуктам или основой для приготовления блюд, например, каш. Как правило, они являлись своего рода «заменителями» муки и крупы – основы питания крестьянства. В их качестве выступали лебеда, крапива, кашка, рыжик, сурепка и т.д. «Хлеб стряпали из лебеды. Семена лебеды выбирали, ... перемалывали [на ручных самодельных рушилках], потом немного муки добавляли и стряпали черный хлеб ... коврижкой этой черной из лебеды...» [1, с. 180]. При этом респонденты различают вкусовые особенности суррогатов. Так, про «рыжик» говорили, что часто пекли калачи, выглядели красиво, но на вкус уступали таким суррогатам, как та же лебеда: «На крупорушке вручную дробили зерно. Пекли пополам с картошкой лепешки. Зачастую мама делала «хлеб» из рыжика. Так неприятно было его есть, но деваться некуда» [9, Левченко (Сыромолот) Надежда Константиновна, 1933 г.р., с. Гуселетово], «делилась с братиком горькой хлебной лепешкой, спеченной наполовину с просом и лебедой и вместе засыпали...» [9, Мамась (Фейрштейн) Элла Викторовна (1932–1995), с. Гилев-Лог], «чтобы испечь хлеб, добавляли в муку лебеду, спорыш, картошку. Собирали паслен и ели степную ягоду, сушили и ели, как самые заветные сладости. На ручных жерновах давили масло из рыжиков, и жмых тоже шел в пищу» [9, Ельников Александр Тарасович, 1930 г.р., с. Сидоровка].

Важной частью семейной крестьянской экономики в военное время стали ловчие промыслы (суслики) и собирательство яиц. «И на еду шло все, что росло, летало и бегало» [9, Ельников Александр Тарасович, 1930 г.р., с. Сидоровка]. При этом суслик как объект промысла был известен в крестьянской культуре. Даже в «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (Раздел 3, глава 2 «О мирских повинностях») [3] говорится о повинности крестьян (до 1905 г.) по ловле сусликов, как вредителей зернового хозяйства; а в

решениях земских уездных и губернских учреждений устанавливались нормы [10]. Использовался и мех сусликов для рукавичек, душегреек. Эту традиция за подписью М.И. Калинина продолжилась и в советские 1930-е гг. [6]. Но уже в этот период в экстремальные годы голода фиксируется массовая ловля сусликов для пропитания, а также разрывание нор сусликов для получения зерна. Но именно в военные 1941–1945 гг. суслики «спасли» тыловую деревню от голода и голодной смерти: «летом с едой было немного легче. Собирали щавель, лук-слизун, дикий чеснок, лебеду, ели даже молочай, нас постоянно мучил голод. Летом нас спасали суслики. Мы вылавливали их из норок, а потом жарили туши – это просто объеденье. Жили на траве и на сусликах» [9, Левченко (Сыромолот) Надежда Константиновна, 1933 г.р., с. Гуселетово]. Способы ловли, способы приготовления и даже способы заготовки сусликов на зиму массово содержатся в устных исторических источниках: «Голод был спутником жизни... Кандык, слизун, рогоза, почки сосновые, рожки из камыша, солодка вместо сахара, птичьи яйца, мясо суслика – вот что составляло продуктовое меню в детстве. Мясо суслика для нас было настоящим деликатесом» [9, Ткачев Александр Афанасьевич, 1927 г.р., с. Гуселетово].

Важным в исследовании адаптационных практик культуры жизнеобеспечения в военное время является реализация принципов регионализма и компаративистского подхода. В частности, исследование связей семейной экономики с конкретной природно-географической средой можно рассмотреть на примере самостоятельной отрасли собирательства в борьбе с холодом – заготовке топлива по природным зонам: степной, лесостепной, приозерной и т.д. При этом фиксация устной истории показывает, что были универсальные способы борьбы с холодом – греть босые ноги в теплых коровьих лепешках, использовать тепло земли, нагретых камней и т.д.; в заготовке топлива – изготовление кизяков, а были специфические заготовки тех или иных видов отопления, обусловленных возможностями «кормящего ландшафта». В степной части Алтая заготавливали в основном сухостой, чаще всего полынь, «катуны» (перекати-поле), солому, использовали «объедки» от сена; собирали по околкам, чащам валежник, хворост. В боровой зоне самостоятельным промыслом была заготовка сухих сосновых сучьев, шишек, хвороста, валежника и т.д. Для регионов с наличием озер большое значение имела заготовка камыша, осоки. Повсеместно собирали коровьи «лепешки». Повсеместно заготавливали кизяки, использовали отходы огородничества – стебли подсолнечника, пустые початки кукурузы, пеньки от капусты, картофельную ботву и т.д.

Таким образом, анализ полевых материалов за 1990–2014 гг. показывает, что в деревне сформировался комплекс поведенческих действий и занятий, которые способствовали формированию стратегии выживания крестьянской семьи, основанной на использовании ресурсов кормящего ландшафта и элементах традиционной культуры жизнеобеспечения. На уровне семейной экономики наблюдался переход к присваивающим формам хозяйствования. Экстремальные воен-

ные условия повысили значение домашних промыслов, института семьи и семейных традиций по обеспечению питанием и топливом. Борьба с голодом и холодом актуализировала трудовые традиции по освоению природной среды. В этом смысле традиционная культура жизнеобеспечения являлась одним из факторов Великой Победы, а устная история с ее исследовательскими технологиями помогает восполнить бреши и лакуны в исторических реконструкциях. Антропологическое исследование элементов традиционной системы жизнеобеспечения как части культуры сельского населения колхозно-совхозного сообщества в посткрестьянский период в экстремальных военных условиях, с одной стороны, показало необходимость расширения предметного поля изучения истории Великой Отечественной войны, с другой стороны, показало безотлагательную необходимость введения методов устной истории в историческую практику.

Библиографический список:

1. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / Управление Алтайского края по культуре и архивному делу; науч. ред.: Т.К. Щеглова, Л.М. Дмитриева; под ред. Л.А. Вигандт. – Барнаул: Алтайский Дом печати, 2012. – 447 с.
2. Арутюнов С.А. Народы и культуры: взаимодействие и развитие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
3. Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Проект «Исторические Материалы». URL: <http://istmat.info/node/33357> (дата обращения: 23.02.2015).
4. Исупов В.А. История Сибири: [в 3 ч.]: учебное пособие для 9 класса общеобразовательных учреждений. Ч. 3. Сибирь, XX век. 2-е изд., испр. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000. – 329 с.
5. Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. – Ереван, 1978. – С. 42–47.
6. Постановление ЦИК СССР № 74, СНК СССР № 1494 от 17.08.1933 «О ликвидации охотничьей кооперации и о реорганизации интегральной кооперации» // Проект «Исторические Материалы». URL: <http://istmat.info/node/37228> (дата обращения: 23.02.2015).
7. Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ЛКИ, 2009. – 320 с.
8. Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Круг, 2011. – 560 с.
9. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Рукопись. Архивный отдел администрации Романовского района. Ч. 2. Дети войны.
10. Царицынский уезд // Историко-краеведческий сайт «Ивановская волость». URL: http://ивановская-волость.рф/index/caricynskij_uezd/0-27 (дата обращения: 23.02.2015).
11. Щеглова Т.К. «Свой» и «чужой»: взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и

использования образа врага в период депортаций // Российские немцы. От истоков к современности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию Манифеста рос. императрицы Екатерины II и начала массового переселения немцев в Россию, 75-летию Алт. края, 70-летию со времени мобилизации совет. немцев в трудовую армию, г. Барнаул, 10–11 ноября 2012 г. / [редкол.: Щеглова Т.К. (науч. ред.), Путилина Н.А.]. – Барнаул, 2012. – С. 155–165.

12. *Щеглова Т.К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 527 с.

13. *Щеглова Т.К.* Устная история: учебное пособие для студентов вузов. Барнаул, 2011. – 363 с.

14. *Щеглова Т.К.* Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920–1940-х годов: материал, технологии и типы по устным историческим источникам // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-х – начале 50-х годов XX века», 30–31 мая 2014 г. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. – С. 554–571.

Shcheglova T.K.
Russia, Barnaul

**GATHERING EDIBLE AND ORGANIZED HUNTING – THE LIFE
SUPPORT SYSTEM AND ADAPTATION PRACTICES
OF THE POPULATION IN REARWARD SIBERIAN VILLAGE:
NEW SOURCES, METHODS AND APPROACHES**

Abstract: On the one hand, this article evaluates the state of research done on remote areas during the years of war from 1941 to 1945 and reveals gaps in the sources with regard to anthropologic aspects of war and conditions of rural communities during prewar modernization and the extreme conditions at war. Applying an interdisciplinary approach we try to fill in these gaps using new concepts, methods and techniques designed for ethnology and oral history. On the other hand, we examine the life support system of the population in Siberian villages applying oral history and field research. This is done exemplarily by exploring first adaption practices such as gathering of edible plants, their preparation, usage and preservation and second the development of hunting ground squirrels, its use as food and thirdly the preparation of firewood. Our research leads to the conclusion that ethnic and cultural factors should be considered when reconstructing history and that oral history should be regarded as an essential component of anthropological research.

Key words: oral history, ethnology, extreme conditions, natural and appropriating economy, disabled population, food, lodging, heating.

<i>Мотревич В.П.</i> Валовая продукция сельского хозяйства Поволжья в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы	297
<i>Мусагалиева А.С.</i> Дзезказганский медеплавильный комбинат в период Великой Отечественной войны	305
<i>Мухамадеев Т.М., Бекишев К.О.</i> Традиции взаимоотношений русского и казахского народов в общей войне (1941–1945 гг.) против немецкого фашизма	311
<i>Петрова И.А., Комиссарова Е.В.</i> Социально-культурная жизнь Сталинградской области в период Великой Отечественной войны	317
<i>Репинецкий А.И.</i> Повседневность «запасной столицы» (октябрь 1941 г. – август 1943 г.)	323
<i>Рысбеков Т.З., Рысбекова С.Т.</i> Социально-культурная деятельность Советов Казахстана в годы войны (1941–1945 гг.)	331
<i>Славко Т.И.</i> Вклад в победу раскулаченных-спецпереселенцев в годы Великой Отечественной войны	340
<i>Таиров Н.И.</i> Из истории фронтовых концертных бригад Татарстана	347
<i>Тесленок С.А., Тесленок К.С.</i> Формирование и развитие агроландшафтов в период Великой Отечественной войны	352
<i>Хаплекхамитов Р.Б.</i> Татарская интеллигенция: война и творчество	363
<i>Шаховская Л.С., Болотов Н.А., Болдырев Н.Ю.</i> Промышленность и транспорт Сталинграда и области в годы Великой Отечественной войны	369
<i>Щеглова Т.К.</i> Система жизнеобеспечения и адаптационные практики сельского населения тыловой деревни Сибири на примере собирательства и ловчих промыслов: новые источники, методы и подходы	379
РАЗДЕЛ IV. ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ	
<i>Асатова Г.Р.</i> Социокультурные аспекты жизни детей в Узбекистане в военный период в свете архивных данных Центрального государственного архива Республики Узбекистан	390
<i>Болотова Е.Ю., Болдырев Ю.Ф., Старшинина О.В.</i> Зинаида Виссарионовна Ермольева в Сталинграде: страницы подвига. 1942 год	397
<i>Гайнетдинов Р.Б.</i> О научной хронологии пребывания М. Джалиля в немецком плену	403
<i>Ефимова Е.А.</i> Некоторые организационно-педагогические аспекты оборонной работы с пионерами и школьниками в предвоенные годы	413
<i>Костякова Ю.Б.</i> Особенности отображения действительности средствами массовой информации в годы Великой Отечественной войны (на примере Хакасии и Ойротии)	422